

«НАЧАЛА И ПРЕДЕЛЫ» В «ТЕОГОНИИ» ГЕСИОДА КАК ПРЕДПОСЫЛКА КРИТИКИ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ФИЛОСОФИИ ГЕРАКЛИТА И КСЕНОФАНА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Богомолов Алексей Владимирович

кандидат философских наук ФГБОУ ВО «Нижегородский
государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина»
ensestens@mail.ru

**"SOURCES AND EXTREMITIES"
IN HESIOD'S THEOGONY
AS A PREREQUISITE FOR CRITICISM
OF TRADITIONAL RELIGIOUS IDEAS
IN THE PHILOSOPHY OF HERACLITUS
AND XENOPHANES: HISTORICAL
AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

A. Bogomolov

Summary: The article focuses on the presence in the "Theogony" of references to "sources and extremities", which differ from the mythological images of the gods. The article substantiates the position that "sources and extremities", which "even the gods are afraid of", are prerequisites for the formation of a non-mythological understanding of the explanation of the origin. Such changes are possible with the gradual abandonment of mythological representations. Critics of traditional religious beliefs in early Greek philosophy were, in particular, Heraclitus and Xenophanes. The article shows the relationship of this aspect of "Theogony" with the teachings of Heraclitus and Xenophanes in the context of the transition from myth to logos.

Keywords: Hesiod, Heraclitus, Xenophanes, arche, negative theology, philosophical apophaticism.

Аннотация: В статье делается акцент на наличии в «Теогонии» упоминаний о «началах и пределах», которые отличаются от мифологических образов богов. Обосновывается положение о том, что «начала и пределы», которых «боятся даже боги», являются предпосылками формирования не мифологического понимания первоначала. Такие изменения возможны при постепенном отказе от мифологических представлений. Критиками традиционных религиозных представлений в ранней греческой философии были, в частности, Гераклит и Ксенофан. В статье показана взаимосвязь указанного аспекта «Теогонии» с учениями Гераклита и Ксенофана в контексте перехода от мифа к логосу.

Ключевые слова: Гесиод, Гераклит, Ксенофан, архэ, негативная теология, философская апофатика.

В историко-философской науке утвердилась позиция, согласно которой досократики Гераклит Эфесский и Ксенофан Колофонский являлись едва ли не самыми яркими критиками Гомера, Гесиода и традиционной религиозных представлений греков в целом. И этот факт, как представляется, трудно поставить под сомнение, учитывая, что на это прямо указывают фрагменты, передающие учение и Гераклита, и Ксенофана. Можно согласиться со следующим утверждением: «критическое отношение к религии со стороны софистов и представителей ранней эллинистической философии не могло возникнуть на пустом месте» [2. С. 20]. Иными словами, значимым является вопрос о предпосылках подобного отношения к религиозным воззрениям. Вместе с тем не менее важной видится и проблема хронологических границ такого поиска. Так, можно отметить позицию, согласно которой исток критики религиозных воззрений обнаруживается в учениях представителей Милетской

школы [2]. Однако мы полагаем, такие предпосылки наличествуют уже в «Теогонии», отсюда и наше предположение о возможной взаимосвязи между мифологией Гесиода и учениями Гераклита и Ксенофана, о чем в специальной литературе практически не упоминается. Именно вопросу о взаимосвязи мифологии Гесиода и воззрений Гераклита и Ксенофана посвящена настоящая статья.

Основной контекст «Теогонии» – систематизация образов греческих богов, и один из ключевых аспектов – соотношение трех «первичных богов» – Хаоса, Геи и Эроса. В этой связи интересна позиция Дж. Буссанича, который подчеркивал не просто их значимость, но и акцентировал внимание на том, что Хаос, Гея и Эрос – это «архэ» богов [8. Р. 213]. Такой подход позволяет предполагать, что остальные боги происходят именно от этих трех. Далее, в контексте вопроса о происхождении

богов особое внимание уделяется роли Хаоса. В частности, рассмотрения заслуживает положение «Теогонии», согласно которому первым зародился Хаос [3. С. 24]. Данное утверждение часто интерпретируется как то, что Хаос, появившись первым, является и порождающим началом. Однако, на наш взгляд, это не так, поскольку остальные боги появляются не из Хаоса, а после него. В переводе В. Вересаева: «Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом // Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный...» [3. С. 24]. Кроме того, вне зависимости от того, является ли Хаос первопричиной, важным также является и вопрос об онто-эпистемологическом статусе Хаоса. В самом деле, ведь традиционно само это понятие трактуется как бездна, пустота и пр. В частности, есть мнение, согласно которому Хаос есть «качественное Ничто» [10. С. 30]. Но Хаос признается возникшим и существующим, ввиду этого само его существование как таковое очевидно, хотя, вполне вероятно, его можно рассматривать как мифологическую предпосылку понятий «небытие»/«ничто». Мы полагаем, и проблема соотношения трех «первичных» богов, и особая роль Хаоса, и онто-эпистемологический статус Хаоса являются важными аспектами реконструкции теогонии Гесиода и эти вопросы рассматриваются и представлены в специальной литературе.

В контексте реконструкции мифологических представлений Гесиода мы полагаем важным также обратить внимание на упоминания в «Теогонии» так называемых «концов и начал» («πληαὶ καὶ πείρατ'»). В частности, в строках 736-745 «Теогонии» находим: «Там и от темной земли, и от Тартара, скрытого в мраке, // И от бесплодной пучины морской, и от звездного неба // Все залегают один за другим и концы и начала, // Страшные, мрачные. Даже и боги пред ними трепещут. // Бездна великая. Тот, кто вошел бы туда чрез ворота, // Дна не достиг бы той бездны в течение целого года: // Яркие вихри своим дуновением его подхватили б, // Стали б швырять и туда и сюда. Даже боги боятся // Этого дива. Жилища ужасные сумрачной Ночи // Там расположены, густо одетые черным туманом» [3. С. 42-43]. Очевидно, «концы и начала» не соответствуют мифологическим образам «Теогонии» уже хотя бы ввиду того, что они не персонифицированы. Кроме того, не указывается их число, не приводятся сведений об их происхождении. Этот, последний, момент особенно интересен ввиду того, что, как мы помним, даже Хаос зародился, а «концы и начала» будто есть и всегда были. В целом о них неизвестно практически ничего, кроме того, что их боятся даже боги. Но что тогда они собою представляют? Еще раз подчеркнем, в самом тексте «Теогонии» ответ на этот вопрос в общем-то отсутствует. А при интерпретации, как представляется, следует учитывать, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, учение Гесиода, с одной стороны, является мифологией, но, с другой, уже приближено к досокра-

тическим учениям ввиду того, что пусть и в мифологических образах, но речь идет о поиске первоначала, т.е. речь о соотношении трех «первичных богов». И здесь опять-таки следует акцентировать внимание на Хаосе, поскольку он появляется первым, и, несмотря на наличествующие противоречия в трактовках, приближен к досократическим архэ. Очевидно, Хаос отличен и от Геи, и от Эроса. Основное отличие – это неопределенность, т.к. у Хаоса нет очевидных «положительных» характеристик, и в «Теогонии» о нем сказано крайне мало. Такая неопределенность позволяет говорить о, своего рода, абстрактности Хаоса, приближающей его к понятию «архэ». Во-вторых, следует учитывать указание, согласно которому даже боги боятся «начал и пределов». Исходя из этих двух моментов, можно предположить, что автором «Теогонии» угадывается неизбежность смены мировоззренческих установок. Миф, разумеется, останется в греческой культуре, но, очевидно, что он перестает удовлетворять мировоззренческим запросам и формируется некая новая модель объяснения космоса, человека, т.е. философия. Однако даже если в «Теогонии» наличествует такой посыл, то, конечно, ее автор не может знать о том, что придет на смену мифу, отсюда и столь скудное описание «концов и начал». И, конечно, пусть и косвенным, но подтверждением данной гипотезы является как раз тезис о страхе богов перед «концами и началами», т.е. в поэтической форме, при помощи мифологических, разумеется, образов говорится, что боги должны будут уступить место чему-то новому [1].

Однако как же этот аспект «Теогонии» связан с критикой традиционных религиозных представлений в учениях Гераклита и Ксенофана? Прежде всего, выделим несколько фрагментов, свидетельствующих о критике Гераклитом Гесиода. В частности, согласно Диогену Лаэртскому: «Многознание уму не научает, а не то научило бы Гесиода и Пифагора...» [5. С. 195]. Или, к примеру: «Учитель большинства – Гесиод: про него думают, что он очень много знает – про того, кто не знал [даже] дня и ночи! Ведь они суть одно» [5. С. 214]. Сами религиозные представления критикуются в нескольких аспектах. Например, критикуется антропоморфизм: «Бог совершенно не похож на человека ни природой, ни движением, ни искусством, ни силой...но скорее во всем весьма отличается и особенно не похож и отличен своими делами» [5. С. 239]. В критике антропоморфизма учения Гераклита и Ксенофана, конечно, схожи.

Теология и Гераклита, и Ксенофана принципиально отлична от антропоморфизма и, не менее важно, монотеистична. Обратимся прежде к учению Гераклита. Полагаем, нет надобности пересказывать известные фрагменты, в которых Гераклит говорит о том, что бог один. Акцентируем внимание на вопросе об имени божественного. Очевидно, во фрагментах, передающих

учение эфесца, нет единого имени бога. Упоминаются, в частности, Логос, Огонь, Одно, Зевс, Борьба и др. [7]. И в контексте проблематики нашей статьи обратим внимание на следующий фрагмент: «Одно-единственное Мудрое [Существо] называться не желает и желает именем Зевса» [5. С. 239].

В указанном фрагменте речь не о том, что есть несколько имен (собственно, указывается только одно – Зевс) а, возможно, как раз о моменте, в своем роде, перехода от устоявшихся в религиозных, мифологических представлениях греков о богах к иному пониманию, а, значит, к иным выражениям в языке. Рассмотрим это предположение подробнее. Итак, суждение о том, что «одно единственное мудрое хочет и не хочет называться именем Зевса» стилистически близко ко многим фрагментам Гераклита, на основании которых мы говорим об учении о противоположностях. Но тогда, что в этой связи означают утверждения во фрагменте? Их, очевидно, два: «одно единственное мудрое хочет называться именем Зевса» и «одно единственное мудрое не хочет называться именем Зевса». В первом случае полагаем следующее. Именованье бога «Зевсом», как представляется, есть ничто иное как отсылка к той самой традиционной религии и мифологии, которые и критиковались Гераклитом, о чем говорилось выше. И то, что «одно единственное мудрое» именуется как «Зевс», просто указывает на заблуждение большинства людей, т.е. это некая констатация существующего положения вещей, против которого и выступал философ. Здесь интересно отметить мнение А. Дроздека: «Зевс, отец богов и людей, самое могущественное божество, которое правит богами и людьми, является верховным олимпийским богом» [9. Р. 38]. И – особенно важно – говорится, что имя Зевса «в максимальной степени воплощает божественные атрибуты, принадлежащие Одному» [9. Р. 38]. Иными словами, по Дроздеку, имя Зевса в данном фрагменте ни что иное как аналогия, раскрывающая суть того, чем бог, по мнению Гераклита, является. Далее, но, поскольку устоявшиеся верования Гераклитом не принимаются и осуждаются, а кроме того, у эфесца есть свое учение о боге, своя теология, то этим объясняется и то, что «одно единственное мудрое не хочет называться именем Зевса». Бог, таким образом, не есть Зевс в том смысле, что бог – иное по отношению к антропоморфным богам.

Кроме того, именно данный фрагмент и позволяет предполагать также и определенную взаимосвязь с «началами и пределами» у Гесиода. Гесиод систематизирует мифологические представления о богах, выстраивает их иерархию, т.е. в некотором отношении тоже «фиксирует» место и роль богов в космологии, космогонии, а в конечном счете – мировоззрении греков. Кроме того, мы упоминали, что «начала и пределы» – указание на интуитивное пред-обозначение ἀρχή. Иными словами,

Гесиод также говорит о том, что есть, т.е. во что верят греки и вместе с тем предполагает наличие неких «начал и пределов», которых, как мы помним, «боятся даже боги». А начала и концы суть указание на неизбежность изменений в объяснении первоначала. В конечном счете это можно представить как один из элементов трактовки тезиса «от мифа к Логосу». Гераклит же, предлагая свое учение о боге, оформляет неопределяемые у Гесиода представления о «πῦρ καὶ τεῖρατ'», радикально отвергая при этом учение Гесиода, но одновременно в указанном смысле развивая обозначенные автором «Теогонии» интенции. Иными словами, и Гесиод, и Гераклит, описывая то, во что верят греки, говорят об изменениях в подходе к объяснению первоначала. Делают они это, правда, с той очевидной разницей, что у Гесиода эти изменения только обозначены и, по сути, не имеют содержания, у Гераклита же есть свое учение об архэ и теология. В этой связи можно сказать, что то, чего боятся боги у Гесиода, находит свое выражение в философии Гераклита, который критикует мифологическое миропонимание, исходя из принципов своей философии.

В указанном контексте можно представить и учение Ксенофана Колофонского. В самом деле, у Ксенофана также бог вечен, един [4]. В своей философии Ксенофан «критикует антропоморфизм. Его апофатически описанный Бог не похож на греческих богов» [6. С. 233]. Приведем здесь следующий фрагмент: ««Истины точной никто не узрел, и никто не узнает // Из людей о богах и о всем, что я только толкую: // Если кому и удастся вполне сказать то, что сбылось, // Сам все равно не знает, во всем лишь догадка бывает» [5. С. 166]. Учитывая применяемое здесь в переводе А.В. Лебедева множественное число, т.е. «богов», вполне вероятно предположить, что речь не о неспособности познать бога, о котором говорит сам Ксенофан, а его критику религиозных представлений. Иными словами, обнаружить подобные заблуждения относительно, в частности, антропоморфных богов оказался способен только сам Ксенофан. В целом, критикуя сложившиеся религиозные представления, и формируя собственную теологию, Ксенофан также как и Гераклит конкретизирует интуитивное пред-обозначение архэ, представленное в «Теогонии» как «πῦρ καὶ τεῖρατ'».

Таким образом, в «Теогонии» Гесиода содержится указание на наличие неких «начал и пределов». Они принципиально отличаются от мифологических образов, присутствующих в его учении. О них практически ничего неизвестно, основная характеристика – то, что их боятся боги. В этом можно видеть, своего рода, интуитивное понимание неизбежности перемен в мировоззрении греков, т.е. переход от «мифа к логосу». Вполне объяснима неопределенность Гесиода в понимании сути предстоящих изменений. Если Гесиод только предполагает и в

поэтической форме обозначает изменения, но при этом, разумеется, не критикует миф и религиозные представления, то и Гераклит, и Ксенофан, как раз отличаются резкой критикой традиционных религиозных взглядов и, что также важно, излагают свое философско-теологи-

ческое учение, содержащее указание на первопричину. Следовательно, в учении двух философов-досократиков мы обнаруживаем то, чего боятся боги в «Теогонии» Гесиода – иное, не мифологическое, понимание первоначала, иное понимание бога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолов А.В. Образ и негация: «протоапофатика» и проблема типологии негативности в «Теогонии» Гесиода / А.В. Богомолов // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2023. – Т. 17. – № 2. – С. 888-898.
2. Бровкин В.В. Ранняя греческая философия и традиционные религиозные представления. / В.В. Бровкин // Respublica Literaria. – 2022 – Т. 3. – № 3. – С. 19-33.
3. Гесиод Полное собрание текстов / Гесиод; вступительная статья В.Н. Ярхо. Комментарии О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. – Москва: Лабиринт, 2001. – 256 с.
4. Воробьев Д.В., Смирнова Е.В. Учение Ксенофана из Колофона и Парменида Элейского о временной и пространственной бесконечности // Вестник Мининского университета. – 2018. – Т. 6. – №4. – URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/896/698>. (Дата обращения: 20.04.2025).
5. Лебедев А.В. Фрагменты ранних греческих философов Часть I. От эпических космогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. – 576 с.
6. Мурский В.В. Взаимоотношения античной философии и богословия (языческого и христианского) / В.В. Мурский // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2013. – № 3. – С. 231-234.
7. Светлов Р.В. Платонизм и происхождение «интеллектуализма» в понимании первоначала // URL: http://platoakademeia.ru/index.php/ru/academeia/item/4-academeia_1-02 (дата обращения: 09.04.2025).
8. Bussanich J. A Theoretical Interpretation of Hesiod's Chaos. Classical Philology. 1983. Vol. 78. № 3.
9. Drozdek A. Greek Philosophers as Theologians: the divine arche. Ashgate Publishing Ltd., 2007. – 275 p.
10. Gigon O. Der Ursprung der Griechischen Philosophie: von Hesiod bis Parmenides. Basel: Benno Schwabe & Co., 1945. – S. 291.

© Богомолов Алексей Владимирович (ensestens@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»